

Добро должно быть с кулаками.
Добро суровым быть должно,
Чтобы летела шерсть клоками
Со всех, кто лезет на добро.

С. Ю. Куняев

— Виталий Семенович!

— Блю-э!

Звук, который издал Третьяков, невероятно подходил к ситуации. Их посудину валяло на крутой и грязноватой черноморской волне так, что оставалось лишь гадать, почему она все еще не перевернулась. Судя по безмятежному лицу капитана, ничего особенного не происходило, но Виталию от этого было не легче.

По его личному, никому не навязываемому мнению, для морских круизов неплохо подходил лайнер размером с небольшой остров. На крайний случай подошел бы авианосец. Лучше американский — он длиннее. Но трофейный украинский катер, на палубе которого два человека с трудом могли разойтись из-за тесноты, к гордым пенителям морей не относился. Дай бог, чтобы в болоте воды не нахлебался.

А ведь когда-то на верфях, не так давно вновь отошедших России, могли штамповать авианосцы быстрее, чем кондитер печет булочки. Увы, с тех пор многое изменилось, да и народец измелчал. Местные — те уж точно.

— Виталий Семенович...

На сей раз призыв возымел действие. Кормить Ихтиандра тоже не хотелось — то ли организм понемногу адаптировался к качке, то ли, что вероятнее, в желудке просто ничего не осталось. Даже собственно желудочного сока. Преодолевая слабость в ногах, Виталий смог вернуться в рубку и тут же выскочил назад, вновь перегнувшись через фальшборт и извергнув... Что — непонятно, однако до жути противно.

А куда деваться? В рубке дико воняло. Этот катер, вообще-то предназначенный для речных, а не морских походов, в качестве двигателей использовал дизели. А вследствие отвратного качества постройки и общей потрепанности изрядная доля выхлопных газов шла во внутренние помещения. Мерзейшие ощущения.

Вновь немного оклемавшись, Виталий с омерзением обвел взглядом катер: все его полста тонн водоизмещения, пару орудийных башен с тридцатимиллиметровыми скорострелками, скошенные борта. И в очередной раз проникся неприязнью к этому убожеству. И появление командира сей непрезентабельной посуды только добавило этого чувства.

Старший лейтенант Иванов был настоящим образцом флотского офицера. При параде (на кой черт, интересно), с кортиком у бедра, гладко выбритый. Как просветили Виталия перед отплытием, один из самых перспективных молодых офицеров. А еще один из самых недисци-

плинированных, отчего его и спихнули на эту шаланду. Мол, великое доверие — первому освоить чудо враждебной техники. Рассчитывали, небось, что он зароется в металлолом и на пару месяцев перестанет мозолить глаза начальству. Ага, щ-щас-с. Всего-то неделя — и вот он уже в море. И потому, что смог освоить катер, и, главное, потому, что операция в целях секретности требовала использования именно такого судна.

По непроверенным данным, у жовто-блакитных еще осталась пара аналогичных катеров, чудом избежавших своевременного утопления, и появление корабля этого типа вряд ли насторожит тех, кто старается контролировать оставшийся у них крохотный участок берега. С другой стороны, слабая защита этой посудины сейчас роли не играла. Все равно атаки с воды ожидать смысла не было. Все же изначально слабый украинский флот был размазан по морскому дну еще в первые дни конфликта, а его жалкие остатки прятались, как могли. Поэтому и не требовалось использовать что-то более защищенное, хотя, конечно, лишняя броня позволила бы чувствовать себя увереннее.

— Перекусить не желаете?

Виталий усилием воли сдержал рвотные позывы, посмотрел на безмятежное лицо Иванова и пришел к выводу, что неприязнь у них получилась взаимная. Скрипнув зубами, он буркнул:

— Месье знает толк в извращениях.

— А то ж! — гордо улыбнулся лейтенант и тут же посерьезнел. — Через десять минут высадка. С берега подали сигнал.

Что же, неплохо. Если только это не ловушка. Виталий с некоторой толикой раздражения вспомнил наставления перед отправкой. Они, так скажем, не вдохновляли. Задача не то чтобы для смертника, но все же из тех, на которые посылают сотрудника не самого ценного. Так, во избежание действительно серьезных потерь. Впрочем, отказываться он мог тогда, сейчас же нет возможности праздновать труса.

Молча кивнув лейтенанту, он облокотился на холодную, мокрую и противно-скользкую от брызг, летящих со всех сторон, броню и неожиданно успокоился. В конце концов, отцы-командиры задачи ставят порой рискованные, очень часто сложные, однако невыполнимых пока что не было.

Именно так думал он полтора часа спустя, уже будучи на берегу. Высадка прошла на удивление спокойно, и связной, крепкий мужик средних лет, назвал пароль безошибочно. Не было и намека на засаду. Впрочем, последнее обстоятельство Виталия не удивило совершенно: быстро откатывающейся под ударами войск непризнанных республик, прикрываемых сверху русской авиацией, украинской армии было не до плотного контроля побережья.

В сущности, куда опаснее их служба безопасности: там сидят не лохи, сумевшие добраться до власти, а профессионалы, впитавшие навертняка и опыт советской контрразведки, и кое-что из заграничных ноу-хау. Однако они если и появятся, то позже: ставить посты на побережье не их задача. От целенаправленной же охоты за его, Виталия, тушкой их отделяет секретность и время. Утечка из штаба возможна, даже вероятно, но далеко не сразу. И даже если она произошла, быстро организовать операцию по отслеживанию и поимке одинокого катера не так-то просто.

Пока все шло по плану. Встречающий передал Виталию машину и кое-какое снаряжение из того, что проще достать на месте, чем тащить через море, и растворился в темноте. Документы у Третьякова были свои, лучше настоящих, а каких-то особенных, украинских доставать и не пытались. Во-первых, это противоречило легенде, а во-вторых, здесь и сейчас творился жуткий бардак, в котором любая попытка наладить хоть что-то, похожее на порядок, была заранее обречена на провал. Крутые документы скорее привлекут внимание, чем помогут. Особенно в свете того, что у местных, похоже, в победу верят лишь окончательно поехавшие крышей фанатики.

Легенда у него, к слову, по нынешним временам была железобетонная. Либеральный

журналист из России, представитель микроскопической газетки. К слову, самой настоящей, официально зарегистрированной. И не закрытой лишь в силу своей ничтожности. А на самом деле потому, что она тесно, хотя и неофициально, сотрудничала с властями. Проще говоря, ее главред стучал, как тот дятел, и потому имел регулярное негласное финансирование.

Ну, и для обеспечения легенд в операциях вроде нынешней газета подходила идеально. И никого не удивит появление на Украине ее корреспондента, как раз перед случившейся заварухой решившего воспользоваться служебным положением и рвануть от страшной ФСБ в Европу. Рванул лихо, да вот застрял на Украине. И теперь, соответственно, был крайне озабочен собственным выживанием. Это объясняло все. И незнание местного суржика, который почему-то упорно называют языком. И плохое ориентирование в реалиях. И собственно поведение: в этих краях упорно ходили слухи, что предателей русские втихаря расстреливают на месте.

Официальная профессия (по легенде, оставленная ради торжества демократии) тоже соответствовала. Интеллигент, блин. Хорошо еще бороду не заставили отрастить для полноты соответствия образу. И то, как подозревал Третьяков, исключительно ввиду недостатка времени на достаточно медленный процесс.

В общем, испуганный дурачок, мечущийся как заяц и отчаянно всех боящийся. Что в условиях отсутствия нормальной линии фронта, когда все перемешалось, вполне оправдано. Такого можно презирать, но сложно подозревать. И уж точно вряд ли его будут опасаться.

Машина тоже соответствовала легенде. «Нива» — пройдет где угодно, однако и сама марка, и общая потрепанность авто как бы намекают: брать у его хозяина особо нечего. А тот факт, что машина технически в идеальном состоянии, в глаза не бросается. На дорогах любой страны постсоветского пространства таких автомобилей до сих пор бегают сотни.

Выползала она, кстати, с трудом — движок все же слабоват. Но на песчаный пляж, изрядно подзаваленный каменюками размером с грузовик, где сесть проще простого, ее предусмотрительно не выгоняли, а остальное... Цепляясь за землю всеми колесами, она упорно взяла штурмом и крутой подъем, и убитый в хлам проселок и лишь перед асфальтом остановилась.

Не потому, что он ей противопоказан, а просто Виталий посмотрел на часы и решил, что в два часа ночи устраивать турне как минимум нецелесообразно. Все же какая-никакая, а война. Пальнет какой-нибудь дятел с перепугу — и все, объясняй святому Петру, что у тебя на Земле дела не сделаны и дома семеро по лавкам, и вообще, это не твоя вина, а «хероя» АТО, зашу-

ганного русскими вертолетчиками и палящего во все подряд. Интересно, покрутит хранитель ключей от рая пальцем у виска или просто рассмеется?

Расположился на ночлег Виталий в небольшой роще, метрах в трехстах от дороги. Так, на всякий случай и во избежание. Да и потом, очень уж ее удачно фары высветили. Спать он умел в любых условиях — спасибо бурному прошлому, научившему использовать для отдыха любую свободную минуту. Опять же, и к чуткости сна он привык тогда же, но сейчас это не пригодилось: до утра его беспокоил только ветер, периодически начинающий шуметь ветвями деревьев.

А вот шум с дороги разбудил его сразу же, и началось это безобразие с первыми лучами солнца. Наскоро перекусив, Виталий некоторое время наблюдал за дорогой и с каждой минутой все больше убеждался: то, что здесь творилось, весьма отличалось от виденного им ранее. Вопят о войне, но странная она какая-то.

Вообще, о том, что здесь, в общем-то, стреляют, напоминал пока что лишь качественно обгоревший, покрытый копотью остов бронетранспортера. В бинокль удалось рассмотреть только пробоину в борту. Похоже, чем-то ударили с вертолета, вряд ли специально ради выстрела сюда заполз какой-нибудь шахтер с Донбасса. Им наверняка хватает целей поближе, а вот вер-

толет каким-нибудь ветром занести могло вполне. Учитывая, что с ПВО у местных дело обстояло откровенно паршиво, почему бы и нет.

Бронетранспортер, кстати, выглядел непривычно. Чувствовалась советская школа, в чем-то передовая, в чем-то примитивная, но в целом адекватная. Третьякову за свою жизнь пришлось намотать немало километров почти на всех моделях техники, применявшихся родной армией, и потому он мог уверенно сказать: сей обгоревший гроб создан на советском заделе, но не в России.

Это было различимо даже несмотря на обвес из металлических решеток, сильно размывающих для глаза очертания машины. И лишь покопавшись в памяти, Виталий понял: перед ним БТР-4, довольно убогая попытка местных инженеров создать хоть сколь-либо конкурентоспособную бронетехнику.

Итак, жертва войны имелась в одном экземпляре, зато гражданских автомобилей туда-сюда сновало множество. Наверняка в дни минувшие, до того, как началось веселье, их было еще больше, но и сейчас количество впечатляло.

Третьяков, наблюдая за дорогой, несколько раз аж сплюнул со злости. Нет, ну это надо же быть такими дураками. Прямо как русские в девяностых. Только вот в России, хлебнув тогда горя, заимели прививку от доверчивости. Здесь же...